

Марина Влади: В РОССИЮ МНЕ ЕЗДИТЬ БОЛЬШЕ НЕ ХОЧЕТСЯ

Известия, 1997, 19 марта, с. 5

Новая роль Марины Влади — Марина Цветаева. На сцене парижского театра «Рон Пуан Шанз Элизе» она играет великую русскую поэтессу в пьесе, молодой французской Вероники Олми «Переход». Эта история последних лет цветавской жизни во Франции, ее возвращения с сыном Муром в Россию и их гибели.

«Переход» — четвертый подряд за последнее время спектакль на столичных подмостках, посвященный Цветаевой. До этого роль поэтессы играла в Париже на французском языке Елена Сафонова в монопьесе «Флорентийские ночи» в постановке Игоря Миниаева.

— Как случилось, что вы выбрали пьесу о Марине Цветаевой?

— Мне ее прислали по почте. Я прочитала, и она мне понравилась. Я была потрясена тем, что 30-летняя французка может написать такую вещь. Пьеса мне интересна потому, что она показывает не только отношения Цветаевой и ее сына, но и все сталинское время. Я позвонила автору и сказала, что хочу играть.

— Чем объясняется такой интерес во Франции к Цветаевой? Только что вышла ее очередная биография, написанная французским автором...

— Действительно, интерес к Марине огромный, хотя ее во Франции знают плохо, да и вообще поэзию здесь не любят. Кстати, мне предложили в будущем году играть еще в одной пьесе о Цветаевой 20-х годов, написанной английским драматургом.

— Постановщика пьесы «Переход» Ивана Морана вы, кажется, знаете с пеленок?

— Даже еще раньше. Его мать — большая трагедийная актриса, которая ждала ребенка в то же самое время, когда я ждала рождения своего старшего сына. Так что я с Иваном, можно сказать, знакома до его появления на свет.

— Ваша семья была близка с русской творческой эмиграцией и, быть может, знала Цветаеву?

— Мой отец не был эмигрантом. Он — летчик, приехал в 1915 году во Францию, чтобы бороться за «свободу, равенство и братство». Белые эмигранты с ним не общались. Но мой дед — генерал Энвальд, имевший одновременно шведские и татарские корни, был большим любителем театра. Он даже хотел бросить армию и стать актером, но тут началась война. Возможно, он знал Ивана Цветаева — отца Марины, потому что они были людьми одного круга.

— Когда же вы впервые услышали цветавские стихи?

— В России в 1957 году. Затем, когда я 12 лет жила в Москве, Белла Ахмадулина часто мне читала ее стихи...

— До сих пор спорят по поводу того, знала ли Цветаева о том, что ее муж Сергей Эфрон был агентом НКВД. Что вы думаете по этому поводу?

— Марина знала, что Сергей бросил белых и перешел на сторону Советской России, которую очень любил. Я думаю, что он не был напрямую связан с приписываемым ему убийством. Но обо всем узнаем в 2000 году, когда в России откроют цветавские архивы.

— Итак, вы оставили кинематограф и перешли на театральную сцену?

— Ничего подобного! Всего несколько месяцев назад я снялась в большом телесериале, а также в двух кинофильмах. Один из них — «Ветер над городом» греческого режиссера Петроса Севастикогло, съемки которого проходили в Одессе, и во французской ленте «Молодость». Так что я продолжаю сниматься в кино, но не все время. Знаете, для актрис моего возраста в кинематографе ничего не пишут, тогда как в театре у меня прекрасные главные роли. Через некоторое время я собираюсь играть героиню Сопротивления. Поэтому мне в театре намного интереснее.

— Вы называете себя не только актрисой, но и писательницей, автором 5 книг, включая воспоминания во Высоцком. Что еще скоро выйдет из-под вашего пера?

— Моя последняя книга вышла больше года назад. Это воспоминания о разных людях, с которыми я встречалась, и эти встречи часто проходили за обеденным столом. И хотя у меня есть масса сюжетов, но просто нет времени писать книги каждый год. После Парижа с «Переходом» до конца года я буду гастролировать в провинции. Потом я, наверное, буду занята в другой пьесе.

— В свое время вы собирались передать в российские архивы адресованные вам письма Высоцкого, которых у вас около тысячи...

— Да, я на самом деле собиралась, но теперь даже не знаю, кому отдавать. В РАГЛИ неизвестно, что делается... Никто не в состоянии мне объяснить точно, в каких руках все Володины архивы. Теперь с помощью адвокатов мы создали фонд Высоцкого, который защищает авторские права. Кто их владелец? Я, а также его сыновья и его родители. И теперь никто не может без нашего согласия использовать ни текст, ни музыку, ни фотографии Володи. Все это очень большие деньги, а как вы знаете, в России теперь интерес только к деньгам. Иногда в Москве всплывают мои письма к нему... Так что не знаю, что буду делать с Володиными письмами. Они личные, любовные. Конечно, там и о его жизни, но он мало говорил в них о своих проблемах. Писал менее откровенно, чем я, потому что знал, что его письма читают.

— Когда вы последний раз были на могиле Володи?

— Очень давно. Пять лет назад, когда я снималась в России в японском фильме «Сны о России», где играла Екатерину Великую. Для меня могила Володи ничего не значит,

он у меня все время — до конца жизни — в сердце. Кстати говоря, на этой могиле мне вообще не хочется бывать из-за того ужасного памятника, который на ней стоит. Это оскорбление Володиной памяти, который ненавидел именно такой стиль. Я об этом писала в своей книге и не люблю все время говорить о прошлом.

— Почему вы перестали ездить в Россию?

— Не хочется — из-за того, что там происходит. Все мои друзья — люди в возрасте, которые почти не имеют средств к существованию и просто голодают. От этого я в ужасе... После недавних съемок в Одессе вернулась больная. Не могу видеть детей, которые роются в помойке, или мальчишек и девочек, которые в гостинице занимаются проституцией...

— Значит, все мосты сожжены?

— Совсем нет! Почему вы говорите такие вещи? Если будут гастроли в России, я поеду туда работать как актриса. Но туристом ехать не хочу...

— Почему вас никогда не видно на мероприятиях ни в посольстве, ни в торгпредстве России, где регулярно собирается изрядная часть «русского Парижа», включая знающих?

— Потому что у меня нет времени. Живу за городом, жизнь моя очень простая, совершенно не светская. Сколько раз я выхожу «в свет» в течение года, можно пересчитать на пальцах одной руки.

— Если отбросить клише о «взаимном притяжении двух культур и народов», не кажется ли вам, что Россия и Франция — два разных мира, между которыми нет ничего общего?

— Нет, не кажется. Я думаю, что ум, творчество и искусство универсальны, и всегда были и есть точки соприкосновения. Пример тому, та же французка Олми, которая написала пьесу о Цветаевой, не зная ни слова по-русски...

— Вы следите за тем, что происходит на российской сцене? Авианский театральный фестиваль приглашает летом в гости около 10 отечественных театров...

— К сожалению, нет. Не успеваю делать свои дела. Помимо творческих обязанностей, у меня трое сыновей, внуки.

— Сыновья, наверное, давно вылетели из семейного гнезда?

— Мой старший сын попал в аварию на Таити, где он живет. Он уже 4 месяца в больнице, и я с ним вожусь, будто ему 3 года. Мать всегда мать, в каком бы возрасте ни были ее дети. Я это знаю, потому что я крестная движения матерей за мир. Мы помогали движению солдатских матерей в России во время чеченской войны. Я сама писала телеграмму Лебедю с просьбой остановить ужасную резню.

— Вместе с вашим нынешним мужем — известным врачом-онкологом Леоном Шварценбергом — вы постоянно участвуете в мани-

фестациях в пользу обездоленных, бомжей, иммигрантов-нелегалов...

— Я всю жизнь была и буду борцом за права людей. Лет с 15 участвовала в манифестациях против войны в Алжире. Сегодня мы помогаем людям, у которых нет ни крыши над головой, ни документов, ни денег. Мы даем им пристанище. Но самое главное в том, что они знают: ими занимаются, они не одиноки. Я недавно провела 6 ночей в церкви Сен-Бернар, которую оккупировали бесправные иммигранты.

— То есть французы — это не такие холодные и равнодушные люди, как это принято считать?

— Никакие они не холодные. Среди французов, русских или японцев есть и мерзавцы, и прекрасные люди.

— У вас очень счастливая судьба — творческая и, наверное, женская. Это Божий дар или вы всего добились сами?

— Я кузнец своей судьбы. Но моя жизнь вовсе не такая удивительно счастливая. У меня очень много несчастий в жизни, которые связаны с бывшими счастьями.

— Вы производите впечатление очень целеустремленного, организованного и волевого человека. Есть ли у вас какие-то слабости, которых вы стыдитесь?

— Я никогда ничего не стыжусь. Слабости есть, но о них рассказывать не буду.

— Вы прекрасная хозяйка и отличный кулинар. Какое ваше фирменное блюдо?

— Их много. Разнообразные спагетти, японские блюда из сырой рыбы. Острые блюда, которые сама придумываю. Люблю и французскую кухню, но она требует очень много времени. Что же касается кухни русской, то это борщ и супы.

— И борщом вы кормите своего мужа?

— И мужа, и всех остальных. Каждый день я готовлю какой-то суп.

— Вы верите, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок?

— Смотря какой мужчина! Например, Володе было совершенно все равно, что он ест. Так что не этим я его заманила (смеется)...

— А чем же? Какой ваш секрет заманивания?

— Нет никакого. Я открытый человек, который очень любит людей. Они меня такой и воспринимают...

ПАРИЖ.

115